

Красильникова Оксана Сергеевна

старший преподаватель
кафедры истории, философии и культурологии
Кемеровского государственного университета,
соискатель кафедры культурологии
Кемеровского института культуры

**ПАРАДОКС ВОСПРИЯТИЯ «ЧУЖОГО»
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.
(НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА
ФРАНЦУЗА
В ВОЙНЕ 1812 Г.)**

Аннотация:

Автор статьи анализирует образ «Чужого» в русской культуре первой четверти XIX в. на примере французов. Отмечены факторы, которые влияют на трансформацию образа «Чужого»: политическая обстановка, официальная идеология, историческая память. Исследователи охарактеризовали ситуацию XIX в. как культурный маятник, векторы направления которого менялись от галломании к галлофобии и в обратном направлении, сочетали политические и бытовые формы, дифференцированно воспринимались в дворянской и народной культуре. Эти факторы формировали сложность и противоречивость культурного пространства России. В статье были использованы тезисы Б. Вальденфельса о парадоксальности «Чужого» относительно исследуемого периода и проблематики. Были выявлены парадоксы «Чужого» на примерах русской дворянской культуры, проведен сравнительный анализ с народной культурой. Автор опирался на методологию, предложенную Вальденфельсом, используя источники личного происхождения и художественную литературу.

Ключевые слова:

«Чужой», француз, русская культура, галломания, галлофобия, культурный маятник, культурное пространство, образ, парадокс, Отечественная война 1812 г.

Krasilnikova Oksana Sergejevna

Senior Lecturer,
History, Philosophy and Cultural Studies Department,
Kemerovo State University,
External PhD student, Cultural Studies Department,
Kemerovo State Institute of Culture

**THE PARADOX OF PERCEPTION
OF “FOREIGN” IN RUSSIAN CULTURE
OF THE FIRST QUARTER
OF THE XIX CENTURY
(ON THE EXAMPLE OF THE IMAGE
OF THE FRENCH IN THE WAR OF 1812)**

Summary:

The author analyzes the image of the “Foreign” in the Russian culture of the first quarter of the XIX century on the example of the French. The factors which influence the transformation of the image of “Foreign” are noted: political situation, official ideology, historical memory. Researchers have described the situation of the XIX century as a cultural pendulum. The direction vectors of this pendulum changed from gallomania to gallophobia and in the opposite direction. They also combined political and everyday forms and were differentially perceived in noble and folk culture. These factors formed the complexity and inconsistency of Russian cultural space. The theses of B. Waldenfels about the paradoxical nature of “Foreign” about the research period and the perspective were used. The paradoxes of “Foreign” were revealed on the examples of the Russian noble culture, a comparative analysis with folk culture was carried out. The author took into account the methodology proposed by B. Waldenfels, using the sources of personal origin and fiction.

Keywords:

“Foreign”, Frenchman, Russian culture, gallomania, gallophobia, cultural pendulum, cultural space, image, paradox, the Patriotic war of 1812.

Исследователи сравнивают культурную ситуацию России первой четверти XIX в. с маятником, который менял или сочетал движение от галломании к галлофобии. Политическая галлофобия 1812 г. мирно уживалась с бытовой галломанией дворянства [1]. Примеры последней встречаем в дворянских дневниках, переписке, которые продолжали вести на французском языке, несмотря на патриотизм русского общества, вызванный Отечественной войной 1812 г. «Дневник партизана» Д. Давыдова начинается на французском языке отрывком из произведения французского генерала Фуа эпохи Наполеоновских войн [2, с. 5].

Образ «Чужого» в культуре формируется в зависимости от конкретной исторической ситуации, политических условий, культурного контекста. Наполеоновские войны конца XVIII – начала XIX вв. способствовали формированию образа врага в мировой истории. В странах-участницах антифранцузских коалиций в период с 1793–1815 гг., которые пытались восстановить монархическую династию Бурбонов после революции 1789 г., господствовал образ французско-революционера, опасного преступника, политического врага. Во время Отечественной войны 1812 г. светское общество стало чаще демонстрировать патриотизм и солидарность. Хорошим тоном было отказаться от внешнего французского увлечения модой и предметами. В рассказе А.С. Пушкина «Рославлев» с иронией замечены эти перемены: «гостиные наполнились патриотами... кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита... Все закаялись говорить по-французски...» [3, с. 432–433].

В то же время следует отметить, что это была особенность русского общества: галломания трансформировалась в галлофобию и наоборот либо обе эти формы одновременно уживались, демонстрируя парадоксальные примеры восприятия «Чужого». После падения Наполеона и заграничных походов российское дворянство вновь обратилось к политическим идеям Франции. Усилению галломании способствовало то, что после 1812 г. в стране осталось много французских пленных, которых охотно принимали в дворянских семьях. В семье Л.Н. Толстого проживал французский гувернер, несмотря на то, что отец писателя был участником войны 1812 г., попал в плен и был освобожден по окончании антинаполеоновской кампании 1814 г.

Таким образом, в зависимости от ситуации на передний план выступала политическая или бытовая галломания, иногда эти формы присутствовали вместе. Феномен галломании в столичной дворянской культуре трансформировал образ француза настолько, что последний либо утратил статус «Чужого», либо существенно изменил границы «Своего – Чужого». «Стиль жизни, вещи, мода, заимствованные из Франции, стали «своими» настолько, что даже нашествие Наполеона не препятствовало преклонению перед французской культурой. Жена националиста, консерватора и франкофоба Ф.В. Ростопчина содержала салон по французской моде, их детей учил французский гувернер, она и дети приняли католичество» [4, с. 93].

Если в дворянской среде культурная антитеза «Свое – Чужое» трансформировалась в «Свое – Чужое – Наше», то в народной культуре это было невозможно. Генерал Сегюр вспоминал, как русские крестьяне верили в то, что «мы легионы дьявола под начальством Антихриста, духи ада, вид которых вызывает ужас, что наше прикосновение оскверняет. Пленные французы заметили, что несчастные не решались пользоваться посудой, которая служила им, и что они ее сохраняли для самых нечистых животных» [5, с. 80–81]. Народная культура по отношению к «Чужому» была настроена категорично настолько, что знание французского языка позволяло отделить «Своего» от «Чужого». Д.В. Давыдов вспоминал, что во время войны крестьяне принимали их за французов, когда слышали французскую речь [6, с. 51].

Следует отметить, что дворянская культура была неоднородна, представители консервативного дворянства критиковали подражание французам. Среди галлофобов этого периода особо резкой критикой выделялись Г.Р. Державин, адмирал А.С. Шишков, граф Ф.В. Ростопчин, Н.М. Карамзин. Тверской салон великой княгини Екатерины Павловны, сестры императора, был местом национализма и консерватизма среди членов императорской семьи и дворянства. Екатерина Павловна говорила и писала очень хорошо по-русски, что было редкостью для высшего общества [7]. Итак, отношение к «Чужому» внутри дворянства было избирательным, столичное и провинциальное, либеральное и консервативное оценивало французов неоднозначно. Культурное пространство всегда пересекало границы разных миров, что, по Ю.М. Лотману, «создает инвариантную ситуацию многократных переводов, трансформаций», поэтому образ француза как «Чужого» в русской культуре изучаемого периода имел разные варианты и оттенки [8, с. 212].

Народная культура не трансформировала границу «Чужого». Этого не позволяла сделать религиозная традиция. Во время войны 1812 г. неуважительное поведение французов в отношении к православной церкви (в храмах устраивали конюшни, использовали церковную утварь в быту, стреляли по иконам) убедило русский народ, что они безбожники, враги, чужаки.

Армии противников накануне Бородинского сражения наблюдали друг за другом и демонстрировали разные стереотипы поведения. Русская армия во главе с главнокомандующим М.И. Кутузовым совершала молебны перед иконой Смоленской Божьей Матери, французская армия отдыхала, читала официальные воззвания Наполеона. Генерал Наполеона де Сегюр вспоминал: «...это торжественное зрелище, эти речи, увещания офицеров и благословения священников окончательно возбудили их. Все, до самого последнего солдата, сочли себя предназначенными Богом защищать небо и свою святую землю. У французов же не было никаких церемоний, ни религиозных, ни военных... Речь императора была роздана и прочитана на другой день, почти перед самой битвой, так что многие корпуса вступили в бой раньше, чем могли познакомиться с ее содержанием» [9].

В данной случае граница между культурами непреодолима т. к. она формирует новые границы между «Своим» – «Чужим» в религиозном пространстве. Религиозный тип создает многогранность, вариативность данной оппозиции [10, с. 35]. Французы – наследники христианской цивилизации, католического мира, но для русской народной культуры они остались чужими, варварами. Атеисты-французы тоже навсегда останутся чужими в народной культуре, противопоставление «Свой – Чужой» проходит в мировоззренческом пространстве «светское – религиозное», «сакральное – профанное». В народной культуре «Свой» – только православный христианин, единоверец, католичество «чужое» в крестьянской среде, Наполеон – Антихрист, его персону демонизируют. В дворянской культуре к католичеству было терпимое отношение, многие дворяне делали выбор в его пользу. Для многих из них католичество стало «своей» верой, французский язык, заменивший родную речь, еще больше сокращал степень отчуждения. Парадоксальным образом французов критикуют: во время войны они враги, но не отказываются от французских привычек, моды, которые стали важным элементом жизни столичного дворянства. «Костюмы французские, мысли французские,

чувства французские...», – отмечает Ф.В. Ростопчин. Интересна в этом контексте беседа князя Н.А. Болконского и графа Ростопчина, тесный кружок патриотов осуждает захватническую политику Наполеона, но гости иногда переходят на французский язык [11, с. 587, 589].

Война всегда актуализирует образ «Чужого», трансформирует границы «Своего – Чужого», но в бытовом пространстве тот же «Чужой» вызывает смешанные чувства. Это возможно увидеть как в дворянской, так и в народной культуре. Если обратиться к воспоминаниям очевидцев войны 1812 г., то в рассказах представлен разноплановый образ врага. Очевидцы (мещане, крестьяне) оценивают французов двойственно. Можно встретить как характеристики «мародеры», «злодеи», «псы», так и «жалостные» – «жалко их сердечных... не своею волею шли», «они сердечные, чем виноваты?» «<...> ведь они тоже не звери какие» ...«Ишь, сердечные, все в крови, да как умаялись. Говорили бабы и угощали их также, Христа ради, чем Бог послал» [12, с. 51–54]. Образ вора, грабителя, мародера очень ярко описан в рассказах очевидцев, но в то же время он переключается с образом пленного француза, которого становится жалко. Обыватели вспоминали храбрость и веселый нрав французов – «...веселый народ нечего сказать» [13, с. 184–185].

Таким образом, парадокс восприятия «Чужого», который предложил Б. Вальденфельс, наблюдается в русской культуре первой четверти XIX в. Возможно ли что «чужое» станет «своим», может ли степень «Чужого» уменьшиться до его исчезновения? Если «чужое» становится доступным, то степень «чужести» уменьшается, вплоть до исчезновения «Чужого». Но в то же время доступность чужого опыта, текста или культуры всегда относительна. Ограничения не сдерживают стремления понимать чужой опыт, тогда «чужое» становится понятным, наглядным и его «чужость» нивелируется [14, с. 86].

Дворянство, освоившее французскую культуру, язык, манеры, увлеченное французской историей, политикой перестало быть «своим» в русской культуре. Они стали «чужими» в «своей» культуре, но не стали «своими» для «чужой» французской культуры. Удивительно, что этот парадокс «Чужого» отмечали сами современники XIX в. В своих воспоминаниях князь П.А. Вяземский о графе Ф.В. Ростопчине писал: «...он был коренной русский, истый москвич, но и кровный парижанин. Он французов ненавидел и ругал их на чисто французском языке» [15]. Француз утратил статус «Чужого» относительно дворянской среды, французский язык, элементы материальной культуры позволили отграничиться внутри «своей» культуры стали «иными» для «своей» культуры и не стали «своими» для «чужой». «Высшее общество совсем офранцузилось, сделалось гордее, недоступнее, стало отталкивать тех, кои не имели предписанных им форм», – писал Ф.Ф. Вигель в своих воспоминаниях [16].

Таким образом, начиная с XIX в. и до настоящего времени, исследователи помещают проблематику «Чужого» – отношение одного мира культур к другому – в центральную часть сферы своих интересов. Им необходимо найти решение этой проблемы, поскольку культурное взаимодействие, диалог, взаимообмен культур продолжаются на протяжении всей истории человечества. «Чужое» исследуют в контексте противоречивого восприятия «Свой – Чужой», выявляют парадоксы, которые актуализируются в разных формах межкультурной коммуникации.

Ссылки:

1. Орлов А.А. Галломания в России (конец XVIII – начало XIX в.) // Франция и Россия в начале XIX столетия. М., 2004. 192 с.
2. Давыдов Д.В. Дневник партизана. СПб., 2012. 379 с.
3. Пушкин А.С. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1978. 685 с.
4. Красильникова О.С. Интерпретации, подходы к изучению и исторические примеры восприятия образа «Чужого» // Общество: философия, история, культура. 2019. № 4 (60). С. 92–96. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.4.16>.
5. Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. 717 с.
6. Давыдов Д.В. Указ. соч.
7. Бочкарева Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX в. [Электронный ресурс] // Отечественная война и Русское Общество. 1812–1912. URL: http://museum.ru/1812/Library/sitin/book2_08.html (дата обращения: 05.04.2019).
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб., 2016. 444 с.
9. Сегюр Ф. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер – история. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/segyur/02.php (дата обращения: 20.03.2019).
10. Фельде В.Г. Оппозиция «Свой – Чужой» в культуре : дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2015. 152 с.
11. Толстой Л.Н. Война и мир. Том. 2. Ч. 5. М., 1983. 702 с.
12. Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1872. 54 с.
13. Красильникова О.С. Образ «Чужого» в межкультурной коммуникации: французы в рассказах очевидцев 1812 года // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 45-1. С. 182–187.
14. Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» // Логос. 1994. № 6. С. 77–94.
15. Вяземский П.А. Старая записная книжка. Часть 1 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0060.shtml (дата обращения: 13.02.2020).
16. Бочкарева Н. Указ. соч.

Редактор: Шейхетова Ирина Александровна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович